

10. Прымака-Онішк А. Бежанства 1915. Забытыя ўцекачы. Смаленск: Інбелкульт, 2019.
11. Чикалова И. Р. [Не] забытая война. Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). Минск: Беларуская навука, 2022.
12. Sierakowska z Dalewskich A. Wspomnienia. Warszawa: Neriton, 2010.
13. Woyniłłowич E. Wspomnienia. 1847–1928. Cz. 1. Wilno: dr. J. Zawadzkiego, 1931.

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА В СССР ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
shabasovamarina@gmail.com*

Первая пятилетка, проводимая в Советском Союзе в 1928–1932 гг., вызвала огромный интерес в западных странах, страдавших от Великой депрессии. Плановая экономика казалась ответом на хаос и непредсказуемость капитализма и неконтролируемого рынка. Информацию об экономических и социальных процессах в СССР западный читатель мог почерпнуть из статей и книг, написанных работавшими в Советском Союзе журналистами. Будучи ограниченными цензурой, они не имели возможности резко критиковать советские реалии, пока находились в стране. Признавая необходимость индустриализации, по возвращении домой, многие высказали на страницах книг и периодических изданий критику как методов процесса, так и той цены, которую пришлось заплатить за строительство советской промышленности.

Ключевые слова: американские корреспонденты; первая пятилетка; цензура; Отдел печати НКВД.

THE FIRST FIVE-YEAR PLAN IN THE EYES OF AMERICAN CORRESPONDENTS

M. Shabasava

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: M. Shabasava shabasovamarina@gmail.com*

The First Five-Year Plan implemented in the Soviet Union in 1928–1932 sparked great interest in the Western countries that suffered of Great Depression. Planned economy looked like a response to the chaos and unpredictability of capitalism and uncontrolled market. The information on the Soviet political and economic processes could be taken from the books and articles written by the journalists who lived and worked in the USSR. Being restricted by the censorship, they could not be critical towards the Soviet Union while in the country. However when foreign correspondents went back home they wrote memoirs and articles criticizing the methods of industrialization and high price paid by the Soviet people for the rapid development.

Keywords: American correspondents, the First Five-Year Plan, Press Department of the People's Commissariat of Foreign Affairs.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. проводимые Советским Союзом мероприятия по строительству регулируемой плановой экономики вызвали интерес у мировой общественности. В то время, когда западные страны страдали от экономического кризиса и сопутствующих ему понижения уровня жизни, безработицы и неуверенности в завтрашнем дне, СССР пытался совершить немислимый прыжок в будущее, в исторически сжатые сроки превратить отсталую аграрную страну в передовую промышленную державу. Кроме этого, западных интеллектуалов и общественность впечатляло стремление построить новый социальный порядок, который, в отличие от социального устройства в их собственных странах, зиждился бы на справедливых основах. Корреспондент американской газеты «Christian Monitor science» У. Г. Чемберлин, работавший в СССР с 1922 г. по 1934 г. и считавшийся одним из самых авторитетных иностранных журналистов, утверждал, что начало первого пятилетнего плана является одной из трех главных вех в истории большевистской России. Двумя другими он считал Октябрьский переворот и введение нэпа [1, р. 41].

Очевидно, что переход к новой экономической политике прежде всего имел значение для самого Советского Союза. На Западе, где в первое революционное десятилетие СССР не вызывал большого интереса, только с конца 1920-х гг. начали стали пристально вглядываться в страну Советов и искать в ней решения современных проблем. То, что, по крайней мере, декларативно пытались реализовать в Советском Союзе, представлялось ответами на самые болезненные вопросы, с которыми столкнулись западные страны во времена Великой Депрессии. Упорядоченность и предсказуемость вместо хаоса, социальная справедливость вместо неравенства, прогресс и движение вперед вместо кризиса представлялись главными преимуществами, которые СССР, преподнеся урок всему миру, мог достигнуть в случае успеха. Безусловно, на Западе всерьез не считали приемлемым для себя полное копирование советского опыта. Вполне осознавая социальные издержки и материальные трудности на пути к «светлому будущему», западные апологеты Советского Союза признавали, что позаимствовать можно идеи, но никак не методы претворения этих идей в жизнь.

По сравнению с послевоенными десятилетиями СССР 1920-х–1930-х гг. был достаточно открытой страной. За 1920-е – 1930-е гг. страну посетило около 100 тыс. иностранцев, то есть примерно 5 тыс. человек в год [5, с. 77]. В Советский Союз ехали дипломаты, интеллектуалы, бизнесмены, туристы, инженеры и рабочие, трудившиеся на советских стройках, члены

профсоюзных делегаций. Многие из них оставили интереснейшие воспоминания, где описывали свой непосредственный опыт и давали оценки увиденному. Визитеры отмечали необыкновенное сочетание отсталости и устремленности вперед, неустроенности быта и индустриального преобразования ранее отсталой страны, молодость, веру и энтузиазм, которые были столь присущи советскому человеку и которых так недоставало западному.

Особой категорией иностранцев можно считать корреспондентов иностранных периодических изданий, которые приезжали в Советский Союз для того, чтобы иметь возможность снабжать своих читателей самой достоверной информацией из первых рук. На практике же, однако, честная журналистика в СССР оказалась невыполнимой задачей даже для иностранцев. Имея возможность многое увидеть и понять, московские корреспонденты не могли искренне представить свои наблюдения и впечатления. Статьи, передаваемые для печати, проходили строгое цензурирование, делавшее невозможным жесткую критику советских реалий.

Контролем над иностранными корреспондентами занимался Отдел печати НКВД СССР. У. Чемберлин со знанием дела утверждал, что потрясение и напряжение в СССР в эпоху первой пятилетки было сродни напряжению военного положения, и корреспонденту соответственно приходилось работать в условиях военной цензуры. Раз за разом он имел возможность убедиться в невозможности беспристрастного и всестороннего описания и донесения до западного читателя драматических и даже трагических событий, свидетелем которых ему пришлось стать.

Только уехав из СССР, У. Чемберлин смог написать серию критических статей, а также опубликовать посвященную советской индустриализации работу «Железный век», которую назвал компенсацией за все недоговоренное в предшествующие годы [1, р. 8]. На этого американского журналиста советская власть имела особую обиду. Бывший заведующий Отделом печати К. А. Уманский писал своему преемнику Г. А. Астахову, что У. Чемберлин, годами писавший вполне лояльные статьи, вернувшись домой, занимается «злопыхательством», а «американские газеты потеряли интерес к корреспонденциям из Москвы после того, как убедились, на основании статей Чемберлина, что из Москвы нельзя писать правду». За такой цинизм и предательство К. А. Уманский даже предлагал осуществить «план мести» и разместить в американском периодическом

издании публикацию, где «противопоставить сегодняшнего “Чемберлина без цензуры” его же выступлениям за границей в прошлые годы» [7, с. 178].

Другой не менее известный американский корреспондент Ю. Лайонс опубликовал в 1937 г. яркие и ироничные мемуары «Командировка в утопию», где посвятил цензуре целую главу. В ней он жаловался, что ни одна депеша не могла быть отправлена иностранному изданию без подписи цензора и официальной печати Отдела печати. Приходилось тратить время на ожидание цензора, переставлять слова, удалять целые абзацы, искать подходящие формулировки, искажающие истинный смысл событий. Если депеша нуждалась в срочной отправке в ночное время, то цензора приходилось буквально вытаскивать с постели, что неизбежно вело к раздражению с обеих сторон [4, р. 109–110].

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» У. Дюранти отмечал, что наибольшей проблемой была не цензура, а ограничение доступа к источникам информации. В частности, он писал, что вопреки распространенному на Западе мнению, что советское правительство только тем и занимается, что накачивает иностранных журналистов пропагандой, последним приходится по крохам собирать материал. У. Дюранти возмущался наивности тех, кто считал, что московские корреспонденты пишут только то, что им скажут написать власти, и утверждал, что иностранцам приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы хотя бы что-то понять из официальных сообщений ТАСС [3].

Из всех зарубежных корреспондентов, когда-либо работавших в СССР, У. Дюранти, несомненно, имеет на Западе наиболее неоднозначную репутацию в силу его сотрудничества с советской властью. Однако его утверждения насчет сложностей, с которым приходилось иметь дело московским корреспондентам, звучат вполне правдоподобно. В переписке и беседах между советскими и советскими и американскими официальными лицами периодически поднимался вопрос о доступе иностранных журналистов к источникам информации и проведении интервью с политическими элитами. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов признавал, что советской стороне «трудно удовлетворить иностранных журналистов, ибо у нас нет той болтливости государственных деятелей и сотрудников ведомств, которая наблюдается в других столицах, вследствие чего журналисты не могут получать иной информации, кроме той, которую мы считаем нужным официально сообщить» [6, с. 168]. Из письма М. М. Литвинова, написанного полномочному представителю СССР в США А. А. Трояновскому, следовало, что за американских корреспондентов пробовал

заступить президент Ф. Рузвельт. Претензия, судя по всему, была высказана по поводу слишком редкого общения руководства СССР с инкорами. Подозревая, что Ф. Рузвельт реагировал на жалобы журналистов, недовольных отсутствием приемов и трудностью получения интервью, советский нарком отмечал, что изменить ситуацию станет возможным только при наличии доброй воли со стороны высокопоставленных товарищей [8, с. 171–172].

Наличие цензуры, редкая возможность интервью с советскими руководителями, полное непонимание механизма принятия решений на высшем уровне являлись серьезными ограничительными факторами в работе иностранных корреспондентов, которые часто усугублялись слабой языковой подготовкой и низкой мотивацией к подготовке качественного материала. Однако это не означало, что присутствие зарубежных журналистов в Советском Союзе было совершенно бесполезным. Даже туристы, чьи поездки были организованы «Интуристом», и почетные гости, посещавшие СССР по приглашениям ВОКС, хотя и подвергались воздействию организованного «советского гостеприимства», при желании могли составить вполне реалистичное представление об успехах индустриализации, уровне жизни советского общества и той цене, которую стране приходилось платить за рывок в будущее и социальные преобразования. Тем более такие возможности были у журналистов, которые по возвращении домой признавались авторитетными источниками знаний о СССР.

В статьях и книгах иностранных корреспондентов, затрагивающих период индустриализации, есть и общие черты, и особенности. Все признавали невероятный размах и разносторонность эксперимента, призванного и преодолеть материальную отсталость, и создать новое общество и даже нового человека. Вполне отражая чувства и мысли коллег, У. Чемберлен писал: «Советская плановая экономика является чем-то намного большим, чем попыткой построить график национального производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. Как только она была введена, со страшной скоростью стали разрушаться старые ориентиры и возникать новые, новые обычаи пришли на смену старым, было уничтожено или, если использовать советскую терминологию, “ликвидировано”, все индивидуальное и целые классы, которые не вписывались в каркас нового режима» [1, р. 3].

Что могло существенно различаться, так это оценки и акценты. Если симпатизанты Советского Союза подчеркивали прогресс и считали

принесенные жертвы оправданными, то критики отмечали утопизм плана и издержки его реализации. Ю. Лайонс в своей «Командировке в утопию» отрицательно отвечал на вопрос об успехе первой пятилетки. Он отмечал, что реализация пятилетнего плана нанесла удар по самой идее социализма, убрав из нее человеческую составляющую и сведя все к примитивной формуле, в которой присутствовали государство как супер-трест и бесправное население в положении крепостных [4, p. 552].

В 1931 г. У. Дюранти написал серию статей для «Нью-Йорк Таймс», где пытался объяснить американцам суть экономических, политических и социальных процессов в СССР в период первой пятилетки. Очевидно получая материальные и профессиональные преференции от Кремля, он описывал трудности первой пятилетки в выражениях, которые должны были создать у читателя впечатление, что происходящее в СССР, пусть и кажется со стороны ужасным испытанием, абсолютно нормально и приемлемо для русских. Он утверждал, что «сегодняшнюю Россию нельзя судить по западным стандартам и интерпретировать в западных терминах. Западные марксисты и социалисты ошибаются не меньше “буржуазных” критиков, поскольку не могут понять, что главное основание Советского Союза, хотя и называется марксизмом или коммунизмом, на самом деле очень отличается от теоретической концепции, предложенной Карлом Марксом. За тринадцать лет Россия так видоизменила марксизм, – который в любом случае только теория, – чтобы он соответствовал ее расовым нуждам и характеристикам, которые странные, особенные и в корне более азиатские, чем европейские». Сталинизм, выросший из ленинизма, по мнению У. Дюранти, являлся продуктом русского характера и традиций, а трудности воплощения первой пятилетки в жизнь были неизбежны в силу самой природы русского человека. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс», в частности писал: «Каждый, кто нанимал русских или работал с русскими обнаруживает, что, если требуется запрыгнуть на стул, то [русским] нужно сказать, что нужно запрыгнуть на стол, и, ставя целью стол, они одолеют стул» [2]. У. Дюранти завуалировано показывал, что советское руководство действует рационально, а страна движется верным курсом. Его ход мысли является вполне типичным для всех сочувствующих советскому эксперименту журналистов.

Служебная командировка в Москву в 1920-е – 1930-е гг., безусловно, осложнялась трудностями быта, но окупалась искренней заинтересованностью в анализе успехов и неудач Советского Союза. Несмотря на цензуру, иностранные корреспонденты вполне могли

разобраться в происходящем и при желании донести правдивую информацию до своего читателя. Эта информация была востребована, поскольку советский опыт давал надежду на решение проблем современности.

Библиографический список

1. Chambarlin W. H. *Russia's Iron Age*. Boston: Little, Brown and Company, 1934. 400 p.
2. Duranty W. *Red Russia of Today Ruled by Stalinism, Not Communism* [Electronic resource] // *New York Times*. 1931. 14 June. Mode of access: https://www.garethjones.org/soviet_articles/duranty_1931_1.htm. – Date of access: 15. 10. 2022.
3. Duranty W. *Soviet Censorship Hurts Russia Most* [Electronic resource] // *New-York Times*. 1931. 23 June. – Mode of access: https://www.garethjones.org/soviet_articles/duranty_1931_7.htm. – Date of access: 15. 10. 2022.
4. Lyons E. *Assignment in Utopia*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1937. 658 p.
5. Голубев А. В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М.: ИЦ ИРИ РАН, 2004. 274 с.
6. Запись беседы народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинова с послом США в СССР У. Буллитом о жалобах американских журналистов в СССР // *Советско-американские отношения. 1934–1939 / Отв. сост. Б. И. Жилиев. Серия «Россия. XX век. Документы»*. М.: МФД, 2003. С. 167–168.
7. Письмо заведующего Отделом печати НКВД СССР К. А. Уманского 1-му секретарю полномочного представительства СССР в США А. Ф. Нейману о деятельности американских журналистов в СССР // *Советско-американские отношения. 1934–1939 / Отв. сост. Б. И. Жилиев. Серия «Россия. XX век. Документы»*. М.: МФД, 2003. С. 177–178.
8. Письмо народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в США А. А. Трояновскому по вопросу претензий, займов и кредитов // *Советско-американские отношения. 1934–1939 / Отв. сост. Б. И. Жилиев. Серия «Россия. XX век. Документы»*. М.: МФД, 2003. С. 168–172.

УСПАМІНЫ АЛЬФРЭДА РОМЕРА (1864–1865) – НЕДАСЛЕДАВАНАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

А. К. Шымак

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
helenaszymak@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца асоба Альфрэда Ромера – выдатнага мастака XIX ст., разьбяра, медальера, геральдыста, навукоўца, які быў уладальнікам маёнтка Каралінова (сучасны Пастаўскі раён). Успаміны адносяцца да падзей 1864-1865 гг., калі А. Ромер знаходзіўся пад вартай у Дынабургскай крэпасці.

Ключавыя словы: род Ромераў; гісторыя беларускага мастацтва; крыніцазнаўства.